

Неклюдов Е. Г. Приезд Н. Н. Демидова на Нижнетагильские заводы в 1806 г. // Тагильский край в панораме веков. Вып. 2. Нижний Тагил: б. и., 2001. С. 202–210.

Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М.: тип. Сытина, 1910.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 52. Демидовы.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1267. Демидовы.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 44. Штаб Корпуса горных инженеров.

Ф. 1287. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел.

Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 418. Московский императорский университет.

Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург: УрГПУ, 2011.

Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2017. (а)

Черноухов Э. А. «Письма из Тагила» П. В. Рудановского // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 147–150. (б)

Черноухов Э. А. Нижнетагильская земская больница в последней четверти XIX – начале XX в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 22. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 102–110.

УДК 94(47).084.3:329

М. И. Люхуздаев

ПАРТИЙНЫЙ ПУТЬ ЭСЕРА И. А. ШАБАЛИНА ОТ РЕВЕЛЯ ДО ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКА (1917–1934 гг.)

На примере биографии И. А. Шабалина показана судьба левых эсеров, продолживших политическую борьбу после подавления их выступления в июле 1918 г. Рассматривается его партийная работа в Ревеле и Котельниче, а также последующая деятельность в подполье. Автором сделан вывод о созидательной деятельности Шабалина в легальный период советской работы в Ревеле и Вятской губернии, где он занимал руководящие должности, публиковал статьи в прессе, консолидировал партийные силы. После удаления левых эсеров из органов власти Шабалин продолжил политическую активность, став членом руководящего центра левозэсеровского подполья в 1921–1923 гг., неоднократно подвергаясь арестам и ссылкам. В статье представлены неизвестные ранее биографические сведения о Шабалине.

Ключевые слова: партия левых социалистов-революционеров, И. А. Шабалин, Гражданская война в России, Ревель, Котельнич, Остяко-Вогульск, музей, подполье, ссылка.

Период истории Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), когда «вторая партия Октября» оказалась на обочине политической жизни страны, из-за недостатка выявленных источников остается слабо изученным, в том числе на уровне деятельности отдельных партийных функционеров. Одним из левоэсеровских лидеров, оставивших сведения о своей партийной жизни в 1919–1922 гг., которые были опубликованы, был И. А. Шабалин [Шабалин, 1922; 1923; Shabalin, 1925]. Важные факты о его политической и научной активности содержатся в публикациях Я. В. Леонтьева и В. К. Белобородова [см.: Белобородов, 2007; Леонтьев, 2007]. В данной работе сделана попытка на примере партийной деятельности Шабалина рассмотреть судьбу левоэсеровских активистов, продолживших политическую борьбу после отстранения представителей ПЛСР от власти.

Иван Андреевич Шабалин (1888–1937), родился в Петербурге в семье крестьянина-отходника из Вятской губернии. Он окончил гимназию экстерном, а во время службы на флоте в 1910 г. вступил в эсеровскую партию. Примечательно, что на службу Шабалина призывали 10 ноября 1909 г. как крестьянина Казаковской волости Котельнического уезда Вятской губернии [Шабалин Иван Андреевич]. До апреля 1912 г. Шабалин служил кочегаром 1-й статьи на броненосце «Рюрик» на Балтике. За участие в подстрекательстве к вооруженному восстанию на флоте его арестовали и по приговору временного Военно-морского суда в Санкт-Петербурге 30 июля 1913 г. осудили на 14 лет каторжных работ [см.: ГА РФ, ф. р-8419, оп. 1, д. 273, л. 99]. Около двух лет Шабалин провел в одиночном заключении в Петропавловской крепости и «Крестах», а затем отбывал каторгу в Шлиссельбурге [см.: Shabalin, 1925, p. 111]. В Петропавловке он сочинил «Пролетарскую колыбельную песню» о бесправном положении трудящихся, опубликованную 5 июля 1918 г. в газете вятских эсеров-максималистов «Все для трудящихся». Освобожденного Февральской революцией Шабалин в конце марта 1917 г. единогласно выбрали заведующим имуществом и хозяйством Екатерининского дворца в Ревеле (Таллин) [см.: Белобородов, 2007, с. 228]. В мае он был избран от Балтийского флота в исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов 1-го созыва [см.: Политические деятели России, с. 373]. С 11 октября Шабалин стал редактором органа матросского клуба «Объединение» (журнал «Шторм»). После раскола эсеровской партии в ноябре он примкнул к левым эсерам и оставался в этой организации до 1923 г.

Заведую в журнале «Шторм» политическим и историческим отделами, Шабалин назвал основной его задачей защиту интересов моряков, отражение их тяжелой жизни и вообще жизни бедняков [Шабалин, 1917, с. 1]. Вступившись за моряков-балтийцев, обвиняемых

прессой в измене, он подчеркнул, что больше других в этом преуспела кадетско-буржуазная печать [см.: Шабалин, 1917, с. 5–6]. Считая их истинными защитниками революции, Шабалин заявил, что моряки «завоеванных позиций не уступят» и ни перед кем «красные знамена не склоняют». Призывая к сохранению завоеваний революции, ставшей результатом длительной борьбы с самодержавием, Шабалин в статье о декабристах отметил, что местом ее рождения стала Сенатская площадь, где «пролилась первая святая кровь за свободу» [Борьба, 1917, 17 дек., с. 2–3].

Сообщив о роспуске городской эсеровской организации, очистившейся от чуждых элементов, он заверил, что она пополнится новыми силами, способными осуществлять программу, которая была «единственной в России, приемлемой для всего трудового народа» [Там же, 24 дек., с. 2]. Признавая малочисленность эсеровской фракции в Ревельском Совете, Шабалин заявил, что она «будет твердо стоять на платформе революционного социализма», прислушиваясь к мнению делегировавших ее масс. Столкнувшись с провокацией против эсеров во время ночного дежурства 13 декабря, Шабалин и Мейстер арестовали двух прапорщиков, выбивших стекла в помещении эсеровского комитета, и направили их при помощи членов Совета в военно-революционный комитет [см.: Там же, 15 дек., с. 4].

Выступая против попыток ограничения издания партийного органа «Борьба», общее собрание Ревельской организации левых эсеров, членом которой был Шабалин, выразило протест Эстляндскому рабочему и воинскому Совету, издавшему постановление, урезавшее свободные действия газеты. Требуя отмены этого решения, левые эсеры заявили, что стоят на платформе советской власти, готовы защищать ее с оружием в руках, но были против «физического насилия отдельных личностей» над собой [см.: Там же, 1918, 3 янв., с. 4]. В случае применения постановления они пригрозили, что обратятся во ВЦИК, ЦК ПЛСР и ЦК большевистской партии, а при неудаче вынужденно ответят насилием на физическое насилие.

Высказывая свое мнение по различным вопросам в газете «Борьба», Шабалин сделал ее местным рупором городской жизни. Критикуя сторонников продолжения войны до победного конца, он высмеял позицию лидера кадетской партии П. Н. Милюкова, сформулировав девиз кадетов: «Жить в роскоши или умереть в “борьбе”» [Там же, 1917, 29 дек., с. 2]. Возмущаясь соседством богатых и нищих в Ревеле и призывая прекратить «деление граждан на два разряда», он заявил, что в «свободной стране не должно быть места нищете и утонченному лицемерию сильных мира сего» [Там же, 1917, 22 дек., с. 2]. Скептически восприняв всплеск популярности предсказателей среди горожан,

Шабалин заметил, что в условиях, когда «театры и кинематографы переходят в руки трудовых организаций, можно за дешевую плату дать более здоровую духовную пищу», чем посещение «понаехавших в город шарлатанов» [Борьба, 1918, 9 янв., с. 2].

Выступив 13 января с докладом по текущему моменту на городской конференции левых эсеров Ревеля, Шабалин дал оценку развитию революции в России. Признав ее как социальную и имевшую мировое значение, он призвал с содокладчиком К. Кульманом к «беспощадной борьбе с имущими классами, видя в этом единственное спасение начавшегося великого движения». Выразив поддержку советской власти, докладчики указали, что «не соглашательство спасет Русскую революцию, а международное объединение трудящихся всех стран» [Там же, 19 янв., с. 4]. В резолюции, оглашенной Шабалиным, конференция признала советы верховной властью в стране, объявила беспощадную борьбу с имущими классами (купцами, помещиками, фабрикантами), приветствовала политику мира, исключавшую уступки международным империалистам, которые могли губительно отразиться на дальнейшем развитии революции. Учитывая разруху в экономике страны, конференция постановила весь хозяйственной аппарат в деревне и городе «забирать в ведение экономически-революционных организаций трудящихся» [Там же]. В новый состав городского парткома, кроме Шабалина, конференция выбрала еще десять левых эсеров, кооптировав к ним еще троих человек, отсутствовавших на заседании.

Критикуя Ревельскую городскую думу, игнорировавшую санитарное состояние городских бань и рост оплаты за их использование, Шабалин заявил, что урегулировать ценовую политику и устранить антисанитарное состояние этих учреждений могла их передача в ведение города, который исправил бы ситуацию [см.: Там же, 16 янв., с. 2]. Считая жилищный вопрос «самым серьезным и сложным», Шабалин предостерег от беспорядочного «захвата квартир». Он предложил организовать домовые комитеты, которые объединялись бы в районные комитеты, а последние – в центральный домовый комитет, подконтрольный Совету [см.: Там же, 6 янв., с. 1–2]. Домовые комитеты должны были принять жилища в ведение всего населения, а центральный домовый комитет становился «инстанцией, куда стекались все дела, связанные с жилищным вопросом» (распределение квартир по числу лиц семейства, взимание квартплаты в ведение всего города). Указав на Кронштадт, в котором для решения этого вопроса приняли «надлежащие меры», Шабалин призвал Ревельский Совет последовать примеру этого города.

Доказывая необходимость создания домовых комитетов, Шабалин настаивал, «чтобы это проведено было в жизнь, как можно скорее и организованно», независимо от их названия. Он полагал, что эти комитеты не только наносили удар по частной собственности домовладельцев, сдающих жилье внаем, но и могли решать продовольственный вопрос путем их включения в процесс распределения продуктов в городе [см.: Там же, 12 февр., с. 2]. Плата, поступающая в главный домовый комитет, должна была расходоваться для населения на оплату отопления, освещения, ремонт квартир, улучшение санитарного вопроса, постройку новых домов. Шабалин призвал, отбросив фракционное упрямство, последовательно выстроить взвешенную систему распределения квартир «без хаотичных эксцессов», заверив, что левые эсеры будут активно этому содействовать [см.: Борьба, 1918, 12 февр., с. 2].

Полагая, что «в вопросе народного справедливого мира не должно быть национального увлечения», Шабалин подчеркнул, что «революционные боевые ряды трудовой демократии» «должны быть связаны одним сознанием, одним боевым лозунгом: борьба за всеобщее светлое будущее» [см.: Там же, 5 янв., с. 2]. Являясь убежденным интернационалистом, он считал, что в будущем все религии победит одна «вера в братство, равенство, союз трудящихся, свободный труд для всех» [см.: Там же, 15 февр., с. 2]. Рассматривая с этой позиции ситуацию на островах Эзель и Даго, занятых немцами, которые «категорически отказались воевать» и ехать на западный фронт, Шабалин предположил, что дальнейшего наступления немецких войск не произойдет. Осудив социал-патриотов за ложные пророчества о действиях воинствующей Германии, он подчеркнул, что Вильгельму «не удастся поднять дух шовинизма среди изнуренного немецкого рабочего народа» [Там же, 19 февр., с. 1]. Вопреки прогнозу Шабалина, опубликованному в передовице газеты «Борьба», 25 февраля Ревель захватили немецкие войска.

После эвакуации Шабалин переехал в Вятскую губернию, став в Котельнич редактором газеты «Земля и труд» [см.: Тимкин, 1998, с. 53]. Вместе с А. С. Мисуно он содействовал восстановлению порядка в Котельническом уезде, выступив против летучего отряда Л. Журбы, который терроризировал местное население, самовольно накладывая контрибуции, подвергая его арестам и расстрелам [см.: Тимкин, 2017, с. 53–54]. 6 апреля Шабалин участвовал в заседании исполкома, на котором обсуждались результаты расследования Мисуно, собравшего материал о действиях летучего отряда [ГА РФ, ф. р-393, оп. 3, д. 116, л. 113–113об.]. Преодолев сопротивление отряда Журбы, после восьмидневного перерыва 7-й уездный съезд советов 16 апреля возоб-

новил работу, выразив благодарность Мисуно, Шабалину и членам исполкома А. Н. Махневу и П. Жуйкову, очистившим уезд от элементов, «подрывающих авторитет советской власти» [Земля и труд, 1918, 16 апр., с. 4; Тимкин, 2017, с. 53–54]. Считая, что частная торговля вредила «правильному распределению товаров среди населения», Шабалин высказался на съезде за ее прекращение и просил обратить внимание на состав Котельнического уездного союза кооператоров [см.: Земля и труд, 1918, 21 апр., с. 3–4].

Следуя партийной линии, 13 мая на заседании исполкома Шабалин внес предложение о реорганизации Красной армии и назначении Жуйкова членом комиссии по борьбе с контрреволюцией [см.: Там же, 2 июня, с. 4]. В редактируемой Шабалиным газете «Земля и труд» Котельнический комитет ПЛСР выступил «против политики соглашательства, «передышки»», считая преступлением капитуляцию в условиях учиняемой расправы немецкой и русской буржуазии [см.: Там же, 7 июня, с. 3–4]. Отметив, что левые эсеры «все более сходились под общими лозунгами с партией эсеров-максималистов», он заявил, что на общепартийном съезде «окончательное слияние обеспечено». Консолидации партийных сил в губернии способствовала прошедшая под председательством Шабалина I Вятская губернская конференция левых эсеров, на которую 16 июня прибыли представители от организаций восьми уездов, объединявших до двух тысяч членов ПЛСР [см.: Известия Вятского губернского исполкома..., 1918, 19 июня, с. 4]. Кроме решения о немедленном вооружении всех левых эсеров и организации губернского бюро, на ней был принят проект устава о трудовых сельскохозяйственных коммунах, а для более эффективной партийной работы губернию разделили на четыре района (Котельнический, Вятский, Уржумский и Глазовский) [см.: Там же, 23 июня, с. 3].

Вступив в конфликт с большевиками из-за выборов делегата на V Всероссийский съезд советов, 29 июня Шабалин заявил, что левозсеровская фракция, имевшая большинство мест в исполкоме (69,1 %), шла на кровные уступки, позволив коммунистам отправить своего представителя [см.: Известия Котельнического уездного исполкома..., 10 июля, с. 3–4; Бакулин и др., 2017, с. 159]. Он предупредил, что сообщает о действиях большевиков, оказавших давление на исполком, делегатам 8-го уездного съезда советов [см.: ЦГАКО, ф. р-875, оп. 1, д. 142, л. 262–263]. Аналогичные сведения о конфликтах при выборах делегатов в исполкомах Вятки и Глазова, в которых члены ПЛСР занимали соответственно 62,5 % и 53,3 % мест, позволяют согласиться с выводом об обоснованности левозсеровской критики избирательных манипуляций большевиков [см.: Концевой, 2022, с. 641, 644, 650; Бакулин,

2017, с. 159]. Вероятно, приехав в столицу с Махневым и Мисуно, делегированными на V Всероссийский съезд советов и общепартийный съезд, Шабалин был арестован в связи с июльским выступлением левых эсеров в Москве и выпущен 13 июля «без привлечения его к делу о мятеже ЦК» партии [см.: Леонтьев, 2015, с. 53].

По решению губернской конференции левых эсеров Шабалин стал членом Вятского комитета партии и был приглашен редактировать ежедневную партийную газету в Вятке [см.: Известия Котельнического уездного исполкома..., 1918, 24 июля, с. 4]. Подчиняясь партийной дисциплине, Шабалин сложил с себя полномочия редактора газеты «Земля и труд» и переехал в Вятку, что ослабило позиции левых эсеров в Котельниче, которых вытеснили из исполкома большевики. 26 июля Котельнический исполком удалил Мисуно с заседания, а затем арестовал до выяснения подлинности его мандата ВЦИК [см.: Там же, 4 авг., с. 4]. Военно-революционным штабом был арестован Махнев, распущена организация левых эсеров, обезоружена их боевая дружина. 3 августа на первом губернском съезде работников печатного дела Шабалин как левый эсер, «не разделяющий политики части ЦК, поднявшей восстание», вошел в состав губернского Совета, члены которого должны были жить в Вятке [см.: Известия Вятского губернского исполкома..., 1918, 7 авг., с. 3]. Очевидно, его отъезд в Вятку позволил избежать участи Мисуно и Махнева, которых расстреляли в Котельниче по постановлению ЧК за принадлежность к ПЛСР [см.: Известия Котельнического уездного исполкома..., 1918, 29 сент., с. 1; Кремль за решеткой, 1922, с. 205–206].

После возвращения в Петроград, в котором была организация, насчитывавшая около 200 активных старых работников, функционировала партийная типография, обслуживающая всю партию, Шабалин выступал в роли одного из лидеров левоэсеровского подполья [см.: Левые эсеры и ВЧК, 1996, с. 293]. В этом городе он стал участником областной партконференции, состоявшейся 20 января 1919 г., на которой, в частности, было принято решение «для усиления агитационной деятельности послать в каждую губернию по старому партийному деятелю для ведения агитационной и организационной работы» [см.: Леонтьев, 2017, с. 34; Левые эсеры и ВЧК, 1996, с. 294]. В период массовых арестов левоэсеровских лидеров 15 февраля чекисты схватили Шабалина в Петрограде на конспиративной квартире, в которой до засады проходили партийные совещания [см.: Шабалин, 1922, с. 144; Известия ВЦИК, 1919, 13 февр., с. 1].

Оказавшись в одной камере с арестованным А. А. Блоком, Шабалин заметил ему, что «писатели все должны видеть своими глазами», указав на возможность узнать изнанку революции, но у поэта на этот

счет была иная точка зрения [см.: Белый и др., 1996, с. 65]. Шабалин предполагал сообщить о нарушениях по отношению к арестованным, допускаемых в здании Петроградской ЧК, где в двух небольших комнатах помещалось до 200 человек [см.: Шабалин, 1922, с. 149–150, 153]. После перевода в тюрьму для того, чтобы видиться с товарищами, попавшими в одиночные камеры, он стал «квалифицированным» пильщиком дров, а в начале марта носил лед для ледника.

Как левый эсер Шабалин 2 апреля был доставлен в Москву по ордеру областной ЧК [см.: ГА РФ, ф. р-8419, оп. 1, д. 273, л. 99]. Осенью 1919 г. он подписал «Тезисы ЦК ПЛСР» о единстве революционного фронта, отвергавшие методы активной борьбы с существующей властью [см.: Левые эсеры и ВЧК, 1996, с. 309]. Стремясь прекратить произвол администрации в Бутырской тюрьме по отношению к голодающим заключенным, вопреки запрету врачей болевший испанкой Шабалин в группе 120 левых эсеров 30 ноября объявил голодовку «до полного удовлетворения требований» [ГА РФ, ф. р-553, оп. 1, д. 1, л. 27; Кремль за решеткой, 1922, с. 86]. Участники голодовки требовали улучшения питания, отопления камер, свободы проведения докладов и лекций для левых эсеров, снабжения теплой одеждой, открытия камер от поверки до поверки, двухразовых прогулок в день и т. д. Кроме возвращения делегатов, вызванных для переговоров, среди причин своей голодовки-протеста он назвал «насильственный перевод с побоями и руганью голодающих товарищей» в одиночные камеры и угрозы коменданта тюрьмы оружием голодающим женщинам в женском одиночном корпусе. Шабалин отметил, что обещанная награда в полфунта хлеба вынуждала охранников «издеваться и избивать голодающих и протестующих революционеров» [ГА РФ, ф. р-553, оп. 1, д. 1, л. 26; Кремль за решеткой, 1922, с. 80]. На седьмые сутки голодовки все требования голодавших заключенных, одержавших важную моральную победу над тюремной администрацией, были удовлетворены [см.: Кремль за решеткой, 1922, с. 82–83].

Вывезенный с заключенными 26 апреля 1921 г. из Бутырок в Орловский централ, Шабалин в ночь 28 сентября, несмотря на усиленную охрану, вместе с группой левых эсеров и анархистов совершил побег [см.: Shabalin, 1925, р. 114; Левые эсеры и ВЧК, 1996, с. 478]. В 1921–1923 гг. он стал членом руководящего центра левозэсеровского подполья (Центрального Секретариата) – технического органа, заменявшего арестованных членов ЦК партии [см.: Левые эсеры и ВЧК, 1996, с. 486]. В следующий раз Шабалина арестовали 6 марта 1922 г. под именем М. В. Николаева на конспиративной квартире в Петрограде с другими левыми эсерами, подвергнув при аресте избиению за попытку к бегству [см.: Shabalin, 1925, р. 115]. По распоряжению ОГПУ

под усиленным конвоем 14 апреля он и еще три члена ПЛСР (Д. Сапер, А. Соколова и Е. Литвинова) были отправлены в Москву. Не доехав 50 верст до столицы, 16 апреля Шабалин бежал, выбросившись на ходу из вагона поезда, скрывшись со сломанной рукой, несмотря на открытую по нему стрельбу [см.: Шабалин, 1923, с. 329].

В очередной раз его арестовали с десятью другими левыми эсерами 1 января 1923 г., обвинив в подготовке партийной конференции в Петрограде, в котором действовала парторганизация учащихся и рабочих численностью до 300 человек, имевшая нелегальную типографию и выпускавшая партийный студенческий бюллетень [см.: Знамя борьбы, 1925, № 9–10, с. 18–19]. Опоздавший к началу конференции, проходившей под видом встречи Нового года, Шабалин представлял центральную подпольную организацию ПЛСР, о чем свидетельствовали найденные при нем тезисы к докладам по различным вопросам, бланки ЦК и Центрального Секретариата [см.: Леонтьев, 2016, с. 262–263]. В середине февраля ему и другим арестованным по делу о Петроградской организации ПЛСР губернским отделом ГПУ было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности. После объявления 11 мая постановления Комиссии НКВД по административным высылкам о заключении их в Пертоминский концлагерь в Архангельской губернии на следующий день группа из 10 человек, включая Шабалина, потребовала отмены этого распоряжения, пригрозив объявлением «смертельной голодовки» и самоубийствами [см.: Знамя борьбы, 1925, № 9–10, с. 18–19]. Пойдя на уступки, та же Комиссия постановлением 16 мая заменила отправку в концлагерь ссылкой в Новониколаевск. Затем место ссылки было изменено на Красноярский край.

В мае 1924 г. отбывшим срок в Красноярске левым эсерам добавили еще год ссылки, уволили с работы и после протеста разослали по одному в глухие станы Красноярского уезда [см.: Там же]. За попытку наладить подпольную деятельность в Красноярске и Минусинске Шабалин с левыми эсерами В. И. Петровым и Г. Я. Голубковым 19 августа 1925 г. был отправлен в ссылку в Туруханский край [см.: Там же, № 14–15, с. 26; Леонтьев, 2016, с. 262–263]. По этому поводу М. А. Спиридонова обратилась к главе организации Помполита Е. П. Пешковой с просьбой подобрать им безвозмездно шубы, валенки, шапки и рукавицы, поскольку они не готовились к продлению ссылки и отправке на Дальний Север. Посылки она попросила запаковать на каждого отдельно, так как их могли расселить по разным местам.

Оказавшись 27 августа 1926 г. в Нижнем Новгороде, Шабалин при помощи административно-ссылных левых эсеров М. И. Крупновой и Е. Я. Евстафьевой познакомился с другими ссылными в этом

городе, попав под надзор губернского отдела ОГПУ. Он вел переписку с левыми эсерами Е. Н. Мальмом в Новониколаевске, В. И. Петровым в Казани и Г. Я. Голубковым-Хохловым в Челябинске, одновременно работая над «Историей революционного движения в Нижегородской губернии». В октябре-декабре 1926 г. ОГПУ была установлена связь Шабалина с лидерами ПЛСР И. К. Каховской, И. А. Майоровым, М. А. Спиридоновой и др., а в феврале 1927 г. — с Б. Д. Камковым и М. Д. Самохваловым. Для улучшения взаимосвязи между ссыльными в Нижнем Новгороде он пытался организовать помощь книгами и деньгами, предложив вести активную агитацию среди студенчества. Вероятно, именно эта активность привела в апреле 1928 г. к его переводу в Тверь, где он отбывал «минус».

Вернувшись в Ленинград, Шабалин работал в Военно-морском музее, сотрудничал с Обществом бывших политкаторжан, восстановил контакты с рядом бывших эсеров и левых эсеров (Р. В. Иванов-Разумником, Л. П. Сурковой и др.). Арестованный в начале 1933 г. по делу о «Народническом центре», сфабрикованном органами ОГПУ, он был осужден на три года ссылки [см.: Леонтьев, 2007, с. 284; Иванов-Разумник, 1953, с. 133–136, 200–201]. Шабалин отбывал наказание в Челябинском изоляторе, откуда в 1934 г. его перевели в Тобольск, где он работал на судоверфи Лесотреста. В Остяко-Вогульск (Ханты-Мансийск) Шабалина перевели в июне 1934 г., а с 1 июля назначили в штат отдела на должность научного работника по организации краеведческого музея, существующего до сих пор [см.: Белобородов, 2007, с. 228]. Обладая организаторскими способностями и опытом научной работы, Шабалин подготовил справки о требуемых решениях для создания музея и начал поиск людей, готовых помочь в создании музейного фонда.

Основным препятствием в его работе стало отсутствие помещения, которое сразу не смогли предоставить. Поэтому в своем содокладе на собрании окружной организации краеведов в сентябре Шабалин просил не спешить со сбором вещей для экспозиции, но президиум окружного исполкома обязал его приступить к сбору экспонатов [см.: Там же, с. 225]. Он подготовил примерную схему экспозиции окружного музея, перечень нужных для нее экспонатов и материалов, вопросник и план проведения работы по изучению истории малого народа. Заботясь о создании музейной библиотеки, Шабалин просил областной отдел народного образования прислать издания по краеведению, а в письме в Центральное бюро краеведения указал на необходимость снабжения литературой, руководящими решениями и постановлениями по музейному делу, журналами «Советское краеведение» и др. [см.: Там же, с. 226].

До получения помещения Шабалин сумел организовать несколько выставок, первая из которых имела хозяйственно-промышленное направление и состоялась в январе 1935 г., вторая была приурочена к 18-й годовщине Октября, а третья – к окружному слету ударников охоты и рыбной ловли. При подготовке выставки, посвященной пятилетию округа, заведующий музеем Шабалин разработал план экспозиции, а руководителям районов отправил перечень необходимых материалов [см.: Там же]. В отчете за 1935 г., направленном в Омский отдел народного образования, Шабалин выразил беспокойство по поводу недостаточного финансирования. Однако 20 февраля 1936 г. без объяснений он был отстранен от должности.

Осужденный в 1936 г. на пять лет, Шабалин отбывал наказание лишь несколько месяцев и 20 января 1937 г. был освобожден по постановлению Тобольского городского суда. Однако к работе в окружном музее Шабалина не вернули [см.: Там же, с. 228]. Хотя он утверждал, что жил замкнуто и мало с кем из ссыльных общался, вряд ли Шабалин сторонился отбывавших в Остяко-Вогульске наказание левых эсеров, поскольку среди них находился бывший член ЦК ПЛСР Самохвалов. Накануне последнего в своей жизни ареста 8 июля 1937 г. Шабалин работал архивистом Тобольского горкомхоза [см.: Леонтьев, 2007, с. 284]. Тройкой УНКВД по Омской области 5 августа 1937 г. он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в г. Тобольске 12 августа. Реабилитировали Шабалина 6 июня 1989 г.

После периода легальной советской работы в Ревеле и в Вятской губернии в 1917–1918 гг., где Шабалин занимал руководящие должности, публиковал статьи в прессе, консолидировал партийные силы, вернувшись в Петроград, он продолжил политическую деятельность в подполье. Как и другие левозеровские лидеры, отстаивая партийные принципы и народнические идеалы, Шабалин неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Если его переписка с представителями руководства левых эсеров в 1926–1927 гг. в Нижнем Новгороде, ставшая поводом к наблюдению со стороны ОГПУ, указывала на попытки восстановления партийных связей, то последующие аресты в Ленинграде и Тобольске вряд ли имели веские основания. Приступив к работе по своему призванию в Остяко-Вогульске, Шабалин, занимавшийся ранее литературным и научным трудом, приложил значительные усилия к созданию окружного музея. Изнуренный многолетним заключением в тюрьме, голодовками и ссылками, вероятно, вернувшись к научной деятельности, он мог получить определенную жизненную опору в новых реалиях, но очередной арест помешал этому осуществиться.

Бакулин В. И., Борчина М. А., Макарова А. С. и др. Вятская губерния в 1917–1918 годах: революция и эволюция региональной политико-управленческой системы. Киров: ООО «Издательство “Радуга-ПРЕСС”», 2017.

Белобородов В. К. Две жизни // Музей: веки жизни : ист.-краеведч. сб. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. С. 223–229.

Белый А., Иванов-Разумник Р. В., Штейнберг А. З. Памяти Александра Блока. Томск: Водолей, 1996.

Борьба (Ревель), 1917–1918 гг.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Ф. р-393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. 1917–1930 гг.

Ф. р-553. Вольский Владимир Казимирович. Председатель комитета членов Всероссийского Учредительного собрания.

Ф. р-8419. Московский политический Красный Крест. 1918–1922 гг.

Земля и труд (Котельнич), 1918.

Знамя борьбы (Берлин), 1925, 1926.

Иванов-Разумник Р. В. Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. Известия ВЦИК, 1919.

Известия Вятского губернского исполкома Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, 1918.

Известия Котельнического уездного исполкома Советов крестьянских, армейских, рабочих депутатов, 1918.

Концевой И. А. Избирательные манипуляции РКП(б) в ходе выборов на V Всероссийский съезд Советов // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 636–655.

Кремль за решеткой (Подпольная Россия). Берлин: Скифы, 1922.

Левые эсеры и ВЧК: сб. док. Казань, 1996.

Леонтьев Я. В. Братья Аяксы (политическая и научная биография Е. Н. Мальма) // Народники в истории России : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. С. 244–268.

Леонтьев Я. В. Левозеро-ское движение во второй половине 1918 и начале 1919 г. // Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. Т. 2. Ч. 3. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 15–52.

Леонтьев Я. В. Роковое 6 июля (Документально-исторический очерк) // Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. Т. 2. Ч. 2. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 5–110.

Леонтьев Я. В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО XXI, 2007.

Политические деятели России : биогр. словарь. / гл. ред. П. В. Волобуев. М.: БРЭ, 1993.

Тимкин Ю. Н. «Лапинская авантюра» в Вятке в марте 1918 г. // Вопр. истории. 2017. № 8. С. 44–56.

Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке. Общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917 – осенью 1918 гг. : уч. пособие. Киров: Изд-во ВГПУ, 1998.

Шабалин И. А. Вы – арестованы! // Кремль за решеткой (Подпольная Россия). Берлин: Скифы, 1922. С. 144–169.

Шабалин И. А. Письмо с Гороховой (с планом тюрьмы) // Пути революции. Берлин: Скифы, 1923. С. 329–335.

Шабалин И. А. Памяти погибших моряков // Шторм (Ревель). 1917. № 1. С. 5–6.
Шабалин Иван Андреевич // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Шабалин_Иван_Андреевич_\(1888\)_\(дата_обращения:_27.02.2021\)](https://ru.openlist.wiki/Шабалин_Иван_Андреевич_(1888)_(дата_обращения:_27.02.2021)).

Центральный Государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. р-875. Вятский губернский исполком Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918–1929 гг.

Shabalin I. A. The prison without bars // Letters from Russian Prisons. N.Y.: Albert & Charles Boni, 1925. P. 111–117.

УДК 94(47).08:32

Р. Ш. Хакимов

ХОДЫНКА И ТРУБНАЯ ПЛОЩАДЬ: ДВЕ ТРАГЕДИИ В ИСТОРИИ РОССИИ

На основе сравнительно-исторического метода исследованы два трагических события в истории России. Главное место уделено выявлению и показу общих моментов и различий этих двух трагедий. Отмечено, что трагические события 1896 и 1953 гг. имеют в числе других одну общую основу. Они происходили в государстве, где человек был полностью подчинен воле правителя и интересу государства. Автор обращает внимание, что при отсутствии или полной закрытости исторических источников, а также недостаточной исследованности такое событие, как, например, давка и гибель людей на Трубной площади в марте 1953 г., сохраняется лишь как факт, зафиксированный в памяти людей в устной истории, обрывается различными домыслами, искажениями.

Ключевые слова: «Ходынка», Трубная площадь, март 1953 г., император Николай II, коронация, похороны И. В. Сталина.

Введение

В истории каждого государства есть особо значимые события, изначально несущие в себе элемент сакральности. К этим событиям относятся восхождение на трон правителя и его смерть. Эти события проходят как особая церемония и имеют очень большое значение для утверждения власти правителя, для укрепления государственности. В российской истории есть два подобных события, отличающиеся тем, что они сопровождалась трагедией – человеческими жертвами: это коронация (восхождение на трон) императора Николая II в 1896 г. и похороны И. В. Сталина в 1953 г. Существует несколько исследований, посвященных трагедии 1896 г. [Слюнькова, 2012; Краснов, 1926; 1997; Зимин, 2011; Балязин, 2013; Ходынка, 2004–2017]. Однако ввиду